

ти. Данное наблюдение, между прочим, относится и к некоторым другим томам рецензируемого издания, например к тому [4], где разные авторы детальнейшим образом и с несколько разных позиций рассматривают в целом сходные аспекты строения пропозиции и соотношения ее аргументных компонентов (см. далее).

В томе [3] обсуждаются проблемы семантических категорий персональности и залоговости.

Центральным сегментом ФСП персональности является категория лица, трактуемая как "общая" категория местоимений и глагола [3, с. 19]. Как представляется, подобному категориальному объединению именного и глагольного лица препятствует заведомо несловоизменяемый характер местоименного лица (*я, ты, он*) и явно словоизменяемые отношения между личными формами глаголов (*читаю, читаешь, читает*); возможно, корректнее было бы говорить о классе одноименных функционально связанных категорий. Раздел "Семантика лица" [3, с. 5–37], в котором рассмотрены общие вопросы соотношения категории лица и ФСП персональности, структура данного поля, прагматические аспекты семантики лица и ряд других вопросов, написан А.В. Бондарко. Проблемы неопределенноличности и обобщенноличности как особых семантических функций форм лица рассмотрены Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым по-новому – с позиций теории референции и лингвистической прагматики [3, с. 41–62]). Данная проблематика рассматривается также М.А. Шелякиным, которым проанализирована семантика и прагматика неопределенно-личных предложений [3, с. 62–72] и В.Г. Гаком, предложившим типологию средств выражения неопределенноличности и семантическую типологию соответствующих значений (на материале русского языка с привлечением данных французского и других европейских языков) [3, с. 72–86]. Завершается глава, посвященная персональности, двумя разделами, позволяющими вывести рассмотрение проблем лица и персональности на материал неиндоевропейских языков: А.П. Володиным описаны лицо и персональность в агглютинативных языках Евразии (финно-угорских, самодийских, тюркских, тунгусо-манчжурских, палеоазиатских и кавказских) [3, с. 87–109], Н.Б. Вахтин посвятил написанный им раздел персональности в эскимосском языке [3, с. 109–124].

Именно для этого тома характерно, по словам его редакционной коллегии, "постоянное чередование подходов" – ономаσιологического и семаσιологического [3, с. 3]. Благодаря указанному чередованию типов описания складывается весьма информативный текст, в котором обобщены все имеющиеся сведения о лице и смежных явлениях. Однако возникает вопрос, может ли персональность в означенном авторами объеме быть

рассмотрена как целостное поле, формируемое на основе единой семантической категории, поскольку лицо как дейктическая категория ономаσιологически несопоставимо с неопределенноличностью и обобщенноличностью как категориями иной, референциальной, природы, а безличность [3, с. 23–24, 78–79] есть не что иное, как грамматический способ коммуникативной иерархизации актантов пропозиции, выражаемой в рамках высказывания, и понижение (вплоть до нуля: *Вечереет*) ранга субъекта содержательно не связано ни с личным дейксисом, ни с референцией именных групп и высказываний.

Не менее сложна и картина "залоговости". Она включает прежде всего интерпретационное по своей семантике противопоставление залоговых активных и пассивных конструкций; они детально описаны в разделах, написанных А.В. Бондарко [3, с. 125–141] и В.С. Храковским [3, с. 141–180], а также Р. Лечем – на материале конструкций с предикатами типа: *находит применение, является предметом рассмотрения* и т.п. в русском языке в сопоставлении с соответствующими "неканоническими" средствами выражения пассивности в немецком [3, с. 181–211]. Ю.А. Пупынин прослеживает взаимосвязи активности/пассивности с другими семантическими категориями: аспектуальностью, темпоральностью, таксисом, модальностью и персональностью, а также, композиционно как бы "забегая вперед", субъектностью/объектностью (рассмотрению субъектно-объектных отношений посвящена глава в следующем томе) [3, с. 211–239].

Том [3] завершается всесторонним обсуждением круга проблем, связанных с номинативными и формально-грамматическими проблемами возвратности и смежных с нею явлений. Формы и функции возвратных, и прежде всего рефлексивных и взаимных, конструкций стали объектом изучения ряда разделов, написанных А.В. Бондарко, Э.Ш. Генюшене и В.П. Недялковым, М.А. Шелякиным [3, с. 239–327]. И.Б. Долинина представляет результаты изучения категориальной семантики рефлексивных конструкций, соотносительных с конструкциями каузативными: *Занавес опустился ← Служитель опустил занавес* и т.д. [3, с. 327–345].

Том [4] содержит описание нескольких полей. В первой главе ("Субъектность и объектность") рассматриваются проблемы отображения в высказывании аргументных термов пропозиции. Общая проблематика сущности пропозиции и ее структуры освещена В.Б. Касевичем [4, с. 5–29]. А.В. Бондарко анализирует грамматическую природу субъектных и объектных компонентов высказывания и выстраивает типологию субъектно-предикатно-объектных ситуаций, обсуждая и смежные вопросы, в частности проблему